

Влад Галкин:

«Я АБСОЛЮТНЫЙ И ЗАСКОРУЗЛЫЙ МАКСИМАЛИСТ»

ОН НЕ ЛЮБИТ НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМ, ДИЛЕТАНТИЗМ. ХОТЯ САМ УМЕЕТ ДЕЛАТЬ МНОГОЕ ИЗ ТОГО, ЧЕМУ НИКОГДА НЕ УЧИЛСЯ. И ВСЕГДА ОЧЕНЬ КАЧЕСТВЕННО, ГЛУБОКО ПОГРУЖАЯСЬ В ДЕЛО, КОТОРЫМ ЗАНИМАЕТСЯ В ДАННЫЙ МОМЕНТ. СО СВОЙСТВЕННЫМ ЕМУ МАКСИМАЛИЗМОМ, БУДУЧИ В ЖЮРИ «ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА», СУДИЛ СТРОГО И ПРИ ЭТОМ ИСКРЕННЕ ВОСХИЩАЛСЯ САМООТДАЧЕЙ И УМЕНИЯМИ СВОИХ КОЛЛЕГ.

Влад, вы играли людей самых разных профессий и всегда очень убедительно. Могли бы представить себя кем-то еще, кроме актера, хотя бы гипотетически?

Представить себя можно кем угодно. Но сейчас уже ничем другим заниматься, наверное, не стал бы. Хотя этот вопрос сегодня имеет один ответ, завтра — другой. Это, в общем, непредсказуемая штука. В принципе я мог бы

пойти по стопам семьи — стать скульптором и, как ни странно, хирургом.

Почему?!

Потому что мама — художник, дядя — скульптор, а в скульптуре и хирургии, мне кажется, есть нечто общее — это чувство пальчиков, осязания предметов.

Вы как-то сказали, что не привываете к людям, с которыми работаете. Казалось бы, в актерской профессии должно быть наоборот...

Да, я за жизнь научился не привыкать и не привязываться ни к чему и ни к кому. Для меня это работа, это профессия, а те, кто принимает в этом участие, либо соучастники и партнеры, либо люди, которые мешают.

Этому вы научились, потому что с детских лет на площадке?

На мой взгляд, опыт опытом, но каждому из нас свойственны определенные человеческие качества, те или иные черты характера. Есть определенные принципы существования. Думаю, если бы я занимался другим делом, все равно так или иначе стал бы тем, кем стал как человек. Мне кажется, что здесь особой роли не играет то, чем ты занимаешься.

Вы в курсе, какая о вас молва ходит, легко ли с вами работать?

Слышал разное. Кто-то говорит: «Тяжело», но есть и восторги абсолютные, говорят даже, что

«Я НЕСДЕРЖАН. МАЛОТЕРПИМ. Я ОЧЕНЬ ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ. ТРЕБУЮ НЕМЫСЛИМО МНОГО ОТ ОКРУЖАЮЩИХ»

С женой, актрисой Дарьей Михайловой

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Родился 25 декабря 1971 г. в Москве. Отец — актер и режиссер Борис Галкин. Сниматься начал с детства. Первая роль — Гекльберри Финн в картине Станислава Говорухина «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» (снимался под фамилией Сухачев). Из детских фильмов любимым для многих стала картина «Этот негодяй Сидоров» (1984). В 1992 г. окончил театральное училище им. Щукина, а в 1994 г. поступил на режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Владимира Хотиненко), который окончил в 1999 г. Женат на актрисе Дарье Михайловой. Самые значимые фильмы и сериалы: «В августе 44-го», «Дальнобойщики» и «Дальнобойщики-2», «Диверсант» и «Диверсант. Конец войны», «Казароза», «Мастер и Маргарита» (Бездомный), «Гибель империи», «72 метра», «По ту сторону волков». Имел опыт успешной работы в долгоиграющем сериале «Я лечу», где снялся в главной роли хирурга Гордеева. Сейчас снимается в роли Котовского в одноименном сериале.

Никогда не работал в репертуарном театре. Имеет единственный опыт театральной работы в спектакле «Дело №...», поставленном Дарьей Михайловой по мотивам «Братьев Карамазовых» Достоевского, где сыграл роль Мити. Картины с участием Галкина в главных ролях: «В августе 44-го», «Дальнобойщики», «Диверсант» — получили не одну премию. «Диверсант. Конец войны» награжден в 2008 г. премией «Золотой орел» в номинации «Короткий сериал».

более комфортного и грамотного партнера или актера не встречали (*смеется*). Один и тот же человек может сказать что-то хорошее и тут же — что-то плохое, потому что артисты — люди импульсивные.

Первый раз вы попали на съемочную площадку к папе (отец — актер Борис Галкин) или уже во время самостоятельной работы? Ощущаете ли разницу в атмосфере на съемочной площадке в советское время и сейчас?

Я никогда не был у папы на съемках. Для меня все это началось в восемь лет с чистого листа, как совершенно самостоятельная история. А отличия... Во-первых, раньше съемочный день длился не двенадцать, а восемь часов плюс перерыв на обед, пятидневная рабочая неделя, и все жестко придерживались этих правил. Переработка — это был какой-то нонсенс. Совершенно другой темпоритм, выработка, ну и качество соответственно. Все дру-го-е. Носители, возможности. Разумеется, времени уходило больше и потому, что все требовало серьезных физических затрат. Не говоря уже о камерах, о возможностях компьютера, осветительное оборудование было абсолютно иным. Сейчас те, кто занимается светом, даже не знают, что такое ДИГ — дуга интенсивного горения, по-моему. Это огромные фонари, которыми делались молнии и т.д. Возили огромную светотехническую машину, которая давала много киловатт энергии и чудовищно шумела (*смеется*). Атмосфера, безусловно, была другой, потому что сегодняшний темп подразумевает еще и наличие некой суеты. А суета всегда идет во вред. Но есть один очень серьезный плюс. Если тогда вся страна позволяла себе выпивать, работая, то сейчас актер, снимаясь, себе этого позволить не может. Или ты пьешь, или ты работаешь. Не говоря уже о качестве, человек физически не может выдержать этого напряжения. Если еще в таком ритме существования начать «квасить», то я думаю, что надолго тебя не хватит. Но, к величайшему сожалению, в этом темпе очень часто переносишь все болячки на ногах, а это, как

известно, не на пользу ни человеку, ни картине.

В детстве и юности у вас были кумиры или авторитеты среди тех, с кем вы снимались или были знакомы лично?

У меня были взрослые друзья, которых я очень уважал. Масса людей вызывала дружескую симпатию. К сожалению, большинства из них уже нет в живых.

Вы и Даша (жена, актриса Дарья Михайлова), в отличие от многих, начали сниматься в детстве, сделали это своей профессией...

Я занимаюсь своим делом. А им, значит, что-то другое интереснее, чем то, что они делали в детстве. У каждого своя жизнь. К тому же, когда малолетние персонажи приходят в эту сферу деятельности, их отбирают, как правило, не за талант. Во главу угла ставится типаж, а еще

му: «Поздравляю, мой сын — студент Вахтанговской школы».

Они знали, куда вы поступаете?
Да, наверное. Знали, конечно (*хмыкает*).

Вы не раз говорили, что очень любите учиться. А что для вас экзамен?

Всегда стресс! Необходимо что-то доказывать. А я демонстрацию готовности к подвигу в принципе не очень понимаю. Хорошо помню свое состояние во время поступления. У меня был чудовищный стресс. Я не чувствовал своих ног. Меня колотило. Кафедра смеялась до колик в животе. А мне казалось, что это самый страшный день в моей жизни.

Пробы для вас тот же экзамен?

Я практически не пробуюсь. Предполагается, что режиссер или продюсер, который приглашает меня на

«Я НЕ ЧУВСТВОВАЛ СВОИХ НОГ. МЕНЯ КОЛОТИЛО. КАФЕДРА СМЕЯЛАСЬ ДО КОЛИК В ЖИВОТЕ»

часто говорятся такие замечательные слова, как «непосредственность», «органичность»... Меня это, мягко говоря, немножко раздражает. Рассматривают ребенка как некое животное: сможет ли он в кадре быть живым пятном? Это уже впоследствии человек или перерастает во что-то большее, или ему нужно действительно найти другое дело, по плечу.

Но вы, поняв, что хотите заниматься этим делом, отправились поступать не во ВГИК, а в Щукинское училище. Кстати, почему только туда?

И поступил практически сразу, то есть меня зачислили после двух туров. Почему именно в «Щуку»? Потому что Щукинская школа и по сей день, по-моему, лучшая из всех. Плюс отец учился в Щукинском училище. Родителей не было в Москве, когда я поступал. И отец прислал телеграм-

ту или иную роль, наверное, знаком со мной (*улыбается*). Очень часто режиссер для меня «кот в мешке», а не я для него. Если режиссер уверен, то пробуются, как правило, грим, костюм, чтобы потом на это не тратить время в процессе. А иногда режиссер делает пробы для того, чтобы самому понять, что вообще он снимает. Бывает, пробы — это некая отмазка для заказчика. Но я этот процесс не люблю, не приемлю, или это должно быть что-то настолько неожиданное, полярное, чтобы мне самому было интересно попробовать, поковырять. Но, как правило, если я понимаю, что это моя роль, то знаю, как ее делать.

Но в начале-то вы наверняка пробовались?

Ну, вот на «Гекльберри Финна» пробы длились несколько месяцев. Там тысячи ребят прошли. Случилось так, что взяли меня.

Кстати, а как постоянные съемки совмещались со школой?

У меня вообще с системным образованием в принципе не получилось, потому что я с восьми лет начал мотаться, снимаясь, и в школе провел неполных три года (*смеется*). Но я очень много читал. Взахлеб. Все подряд. И начал с такой, как принято считать, взрослой литературы. Первое, что я прочитал в своей жизни, — это был Ремарк, «Три товарища». Я просто болел им. А «Прощай, оружие» Хемингуэя прочитал в шесть лет. Я очень любил Борхеса с детства, хотя у всех это вызывало такое недоумение, потому что это не просто серьезная литература... Не буду говорить, что я оттуда выносил, но, наверное, что-то для себя я там находил и в том возрасте. Потом я, естественно, перечитывал

ни возможности. К величайшему сожалению. А может быть, к счастью. Что касается современной литературы... Пожалуй, такого воспитания, как от книги Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом» я не испытывал очень давно. К ней можно по-разному относиться. Но в ней такие точные образы и такая боль, что ты понимаешь, до какой степени эта книга настоящая. И в ней есть момент самоиронии автора. А почему я так уважаю и люблю это в людях? Потому что само-ирония — это очень горькое чувство, которое подразумевает в определенной степени самобичевание. Ироничное отношение к себе — это и борьба с собственными комплексами. А они есть у каждого из нас. Когда в детстве я спрашивал: «Мам, что такое ком-

Самого себя хорошо знаете, раз склонны к самоанализу?

Да, но все-таки моя жизнь в большей степени окрашена какими-то эмоциональными импульсивными моментами. Я несдержан. Мало терпим. Я очень требовательный персонаж. Требую немислимо много от окружающих. Правда, гораздо больше от себя. Я максималист. Абсолютный, заскорузлый, агрессивный. А в юности был вообще непримирим (*смеется*). А что касается моего тяжелого характера... Да нельзя нас, актеров, за это осуждать! Можно иногда даже пожалеть, потому что человек часто лишен своей жизни, не принадлежит себе, потому что он зависит от образа, который играет или репетирует. Артист в принципе не может быть легким человеком, потому что работает своей душой, своими нервами. Если ты хочешь получить результат, ты вынужден, обязан тратиться, иначе ничего не будет: сколько положишь — столько возьмешь. Но если артист способен тебя удивлять, поражать, потрясать, ему можно простить очень многое. Но не все. **А перепады настроения свойственны вашей натуре?**

Артисты вообще люди настроения: подвижная психика. Если почитать клинические описания шизофрении, то все актеры — шизофреники, по крайней мере психопаты (*смеется*).

Даша несколько лет назад говорила, что с годами терпимости в вас прибавилось, а категоричность, наоборот, уменьшилась... Это правда?

Сейчас я могу хоть на какие-то вещи не обращать особого внимания, что-то воспринимаю проще. Научился проходить мимо чего-то, а раньше во все включался. Словом, был малопокойным парнем. Но, в принципе, я абсолютно уверен, что человек-то не меняется. Да, возможны какие-то нюансы, он что-то приобретает, что-то теряет, но, по сути, не меняется. Не может измениться. Ну как?! Для этого, наверное, нужно впасть в некую амнезию (*смеется*), забыть, что ты собой представляешь, и начать жизнь с

«КОГДА СУЩЕСТВУЕШЬ НА НЕРВНОМ ПИКЕ, ТЕБЯ РАНО ИЛИ ПОЗДНО ПОСЕЩАЕТ МЫСЛЬ О ТЕСНОТЕ ПРОСТРАНСТВА»

какие-то вещи, которые мне были дороги и близки. К сожалению, сейчас в стране, да и в мире, немножко другая ситуация. С научно-техническим прогрессом, развитием телевидения и Интернета литература как таковая ушла далеко на второй план, что очень плохо. И хотя с хорошей литературой в магазинах сейчас все замечательно, произошла фантастическая и понятная вещь. Запретный плод сладок — безусловно. И вот этот момент запрета так или иначе всегда работал. **А сейчас много читаете?** В основном сценарии. А если за что-то все-таки берусь, то чаще это уже прочитанное. Все-таки литература — это ностальгический, оценочный момент. Поэтому иногда достаешь книжечку — понимаешь, что это то, что тебя сейчас волнует, вызывает какие-то ассоциации. Но такого, чтобы садиться и от корки до корки... На это нет ни времени,

плексы? У меня они есть?» — «Да, Владош, у тебя есть». — «Какие?» — «У тебя один комплекс. Полноценности», — говорила мама с иронией. **А когда вся Москва, та же интеллигенция читает что-то...**

Когда я слышу: «Это нужно обязательно прочитать», у меня сразу идиосинкрзия начинается. Это как раньше, когда какой-то московский театр ставил «Гамлета», то его ставила вся Москва. Правда, сейчас, по-моему, то же самое началось. И с книгами тоже.

Ваша любознательность вела к тому, чтобы все в жизни попробовать, проверить на собственном опыте?

Я далеко не все прелести этой жизни испытывал на собственной заднице. Не всегда обязательно в чем-то участвовать, чтобы что-то понять. Я любил, люблю и считаю необходимым анализировать все, что происходит.

нуля. Бывает, что люди пытаются соответствовать определенным правилам или играть во что-то, но так или иначе их суть проявляется.

У вас ни разу не было ощущения, что вроде бы уже все знаете в профессии, устали, надо бы что-то освежить, изменить?

Конечно, было. И неоднократно. На эту тему очень часто рассуждалось. Когда существуешь на эмоциональном, нервном пике, тебя рано или поздно посещает мысль о тесноте пространства. Но это ощущениеско-настроенческие вещи, потому что невозможно на полном серьезе сказать себе: «Да, это я все знаю». Да ничего ты не знаешь, потому что всегда все по-разному.

Не хотите расширить сферу деятельности?

Я много раз повторял фразу «всему свое время». Понимаю, что рано или поздно приду к каким-то другим формам. Это неизбежно.

Режиссер или даже продюсер?

Все может быть, потому что для меня продюсерская деятельность —

Галкин — это редкое сочетание актера-интеллектуала с почти живым актерским началом

«Я ОЧЕНЬ МНОГИЕ ВЕЩИ МОГУ ДОФАНТАЗИРОВАТЬ, ПОЭТОМУ МНЕ НЕ НУЖНО ДЕРЖАТЬ ПИСТОЛЕТ У ВИСКА»

это процесс творческий, он подразумевает знание материала, вообще кино, профессии, и не одной. Просто у нас на сегодняшний день продюсеров как таковых очень мало. Не людей, которые в это играют, а профессионалов. Продюсер — это же не просто нашел деньги и вложил их. Это человек, который должен обладать вкусом, эстетикой, видением, знаниями, уметь чувствовать.

Вы очень часто на съемочной площадке делаете все сами, без дублеров. Хотите до конца войти в образ, в шкуру своего героя или самому интересно почувствовать, что это такое, например, подержать пистолет у виска или

подойти к пропасти, как говорил мне один народный артист?

Что-то испытать?! Я очень многие вещи могу дофантазировать, поэтому мне не нужно держать пистолет у виска, чтобы представить, что это такое. Мне не нужен этот натурализм в жизни. В театральном институте есть такой предмет — «Наблюдения», но, насколько мне известно, самые лучшие наблюдения люди придумывают. При этом придумать, не имея хотя бы какой-то теоретической базы, невозможно. Иначе будет абсолютно очевидно, что ты это высосал из пальца.

Выполняю многое сам, потому что ты всегда сделаешь лучше, чем кто-

то. И если тебе дорога роль, материал, это для тебя важно... Но трюк трюку рознь. Есть такие, которые выполняют специально обученные люди, и они сделают это лучше и с меньшим риском. Я существую с той позицией, что любое действие должно быть оправдано. Но для меня дико, когда артист, скажем, не имеет водительского удостоверения, прав, не водит машину. Никого не осуждаю, но я не понимаю, как можно позволить себе роскошь не уметь делать чего-то из элементарных вещей. Я считаю, что многое входит в понятие технической оснащенности артиста, то есть является его инструментарием. Тот или иной профнавык очень важен. Многие

Дебют
в кино —
хулиган
Гекльберри
Финн

Непотопля-
емый капитан
Калтыгин
в «Диверсанте»

Максима-
лист хирург
Гордеев
в сериале
«Я лечу»

вещи для меня совершенно есте-
ственны. Например, я очень рано
научился плавать, мог из воды не
вылезать часами и проплыть очень
много. Мне как-то в детстве сказали,
что человек, умеющий плавать,
может проплыть столько, сколько
пройти. И я понял, что это действи-
тельно так. Хотя систематически
плаванием никогда не занимался.
**Если вы так серьезно относитесь
к профнавыкам, наверняка для
вас очень важны грим и костюм?
Были случаи, когда сами придумывали что-то такое, от чего
отталкивались при создании роли?**
Я к этому подхожу серьезно. Это,
безусловно, важно. Во-первых,
артист должен чувствовать себя
комфортно и удобно в том, что
на нем надето. Для меня очень
важный момент — линии. На-
пример, когда мы снимали «По ту
сторону волков», у нас была долгая
битва с костюмерным цехом. Мы
с Хотиненко настаивали на том,
чтобы форма максимально сидела,
как влитая, точная. Мы завы-
шили галифе, потому что если
брать форму классическую, то
она сидит, как мешок. А мышили
вопреки канонам: гимнастерка,
которая подчеркивает плечевой
пояс, галифе, которое подчер-
кивает длину ног. И получался
силуэт. Это работает на образ, на
характер? Конечно! А когда у тебя
герой одет в мешковатую форму,
значит, это другой образ. И так
или иначе любой костюм и форма
все равно стилизуются. Напри-
мер, мы видим эскизы — очень
красивая форма у гусар, драгунов,
а смотришь ее в раскладке — мама
дорогая, что это такое? (смеется)
Правда, был стандартный вариант,
и были варианты, когда они зака-
зывали себе лосины такие, сякие,
пятые, десятые. Это все стоило
значительно дороже. Ментики
носились чуть меньше размером,
уж затянуть — так затянуть... Это
все не просто так.
А как быть с правдой жизни?
Все должно быть оправдано.
Если актера, играющего хмурого,
тяжелого человека, вдруг оденут
в какой-то яркий оранжевый сви-

тер... Зачем? Работа над образом — это в том числе работа над костюмом. Или, например, снимается кино, и герой картины ездит на очень дорогой машине. Возникает вопрос: откуда он ее взял? Неточности, так или иначе, вызывают у зрителя вопрос и неверие.

Влад, у вас есть и любовь зрителей, и признание профессионалов. Насколько вам это необходимо?

Любому публичному человеку нужны призы, награды, победы, тем более артисту. Признание очень важно. Что касается популярности и любви зрителей... Впервые столкнувшись с этим, я понял, что у людей создается ощущение, что ты знаком с ними, являешься частью их жизни. Это необыкновенное чувство! И это заслуга артиста. Но, конечно, у популярности и у любви есть и обратная сторона. Иногда человеку нужно взять автограф, и ему неважно, что тебе неудобно, что ты в это время занят. И вот с этой оголенностью справиться невозможно (*смеется*).

Ваша популярность, признание — это ваши победы. Но я стала невольным свидетелем того, как вы разговаривали о нашей хоккейной победе. Вы болельщик?

Я не фанат, не болельщик. Скорее, сторонний наблюдатель. Но у меня вызывают восторг победы. Помню, как Дашка в прошлом году сказала потрясающую вещь: «Какой кайф! До какой степени должно подниматься самосознание народа, чтобы люди вспомнили о том, как это — побеждать!» Я ее расцеловал за это, потому что она абсолютно правильно сформулировала. Мы забыли, что такое ПОБЕЖДАТЬ! Что это за ощущение, когда мы МОЖЕМ! Человек, чувствующий себя победителем, не может проигрывать. А если он и проигрывает, то проигрывает как победитель. И вот это самосознание к нам вернулось. Мы же и в баскетбол потом всех «обули», и футбольный кубок привезли. И вот в этом году опять в хоккей выиграли! И я кланяюсь всем ребятам, которые приложили колоссальные усилия для победы.

Они сделали огромное дело не для себя, не для хоккея, а для страны. Любое государство зиждется на идиоме и мифологеме. Мы нация, которая может побеждать. И когда в нас это утвердится, а не просто проснется фрагментарно, мы начнем более уважительно и спокойно относиться к себе, научимся радоваться жизни, в том числе отдыхать не только с бутылкой водки. Но уже эти минуты подъема в стране, где полгода зима, по крайней мере в Москве, безумно радуют. Вот этот праздник дает ощущение какой-то важности и собственной жизни, потому что, оказывается, не все так серо. Это очень мощный импульс для человека. А ведь мы, по большому счету, живем положительными эмоциями, а отрицательные нас убивают.

«Я НЕ ФАНАТ, НЕ БОЛЕЛЬЩИК. СКОРЕЕ, СТОРОННИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ. НО У МЕНЯ ВЫЗЫВАЮТ ВОСТОРГ ПОБЕДЫ»

А как насчет получения новых эмоциональных ощущений через познание мира? Раньше вы с Дашей не любили отдыхать, даже путешествуя...

Не то чтобы не любили. Просто я всегда был не очень легким на подъем. Хотя по-разному, это опять же настроенческий момент. Когда мотаешься по работе — это одно. А здесь... Наверное, на самом деле это обыкновенная лень (*смеется*). Главное — сделать первый шаг. А потом замечательно приехать утром или днем и, залезая в это море или океан, сказать: «Какое счастье! Даш, какая ты молодец, что меня сюда выгатила». А до этого выпьешь всю кровь из окружающих. Очень хочется вернуться в какие-то места. Чего со мной раньше не происходило. Например, на Сейшельские острова. Это офигительное место. Никогда не забуду дядьку-англичанина, кото-

рого мы встретили там. Он приехал туда в шестьдесят два или шестьдесят четыре года... умирать, ему поставили диагноз. «А сейчас-то вам сколько?» — спрашиваю я. «Девяносто шесть». — «Ах ты, сволочь, уже тридцать с лишним лет никак не подохнешь», — думаю (*смеется*). Ну, это я с добрым отношением к нему. Но смотрел на него и поражался: до какой степени это потрясающее место и климатически, и по всем другим параметрам — ну, он там тридцать лет живет! Это, конечно, изумляет! Очень хочется рыбу ловить. Уже много лет хочется. **Гипотетически или пробовали?** Целенаправленно я так и не доехал никуда, но когда-то рыбачил ситуационно, по ходу, что называется. И мне это очень понравилось. И с удочками, и сети были.

Были картины, связанные с этим, «Абориген», например, где действие на реке происходит. Так что в этом смысле я человек искушенный. Охоту не люблю, потому что по зверью стрелять у меня просто рука не поднимается. Максимум, что могу сделать, — это подстрелить утку, хотя утка вроде бы ничем не хуже лося, но она как-то летит, как мишень, и кажется, что вроде бы это другое. А вообще лучше стрелять в тире. Ну, в общем, рыбалка — не рыбалка, но отдохнуть надо. Хотя, опять же, я всегда говорю: «Отдых — это смена деятельности. Устал грядки полоть — иди покопай» (*смеется*). Это на самом деле так. Устаешь от однообразия, от рутины. А я рутинной жизнью не могу похвастаться. У меня с этим как-то не сложилось. А вообще «все идет так, как идет, и будет так, как будет» — молодцы китайцы, которые так считают!

Марина Зельцер